

Сергей ЮРСКИЙ

то, что запомнилось

ПЕРВЫЙ день...

«Париж отпадает. Вы летите только в Лондон на 16 дней с двумя спектаклями», — сказали нам в министерстве...

«Ну, что ж, — подумали мы. — Лондон — это тоже интересно...»

«Граждане пассажиры, — сказала радио на Шереметьевском аэродроме, — в связи с перегрузкой линии Москва — Лондон вы вылетаете самолетом Москва — Париж с последующей пересадкой на Лондон...»

«Ну, что ж, — подумали мы, — перенесем» эту пересадку! Уж как-нибудь...»

Шел дождь. Сквозь бесконечные мокрые стекла аэровокзала мы смотрели на мокрые самолеты, стоявшие на мокром бетоне. Мы были возбуждены и скрытно-радостны. Радость в открытую было как-то неловко перед самим собой. Но внутри все ходило ходуном от новизны ощущений и предчувствий. Было семь часов утра и шел дождь...

«Граждане пассажиры, mesdames et messieurs, — сказала стюардесса в самолете, — в связи с сильным встречным ветром наш самолет должен пополнить запасы горючего. Мы вынуждены приземлиться в Копенгагене...»

«Ну и ветер, — обрадовались мы, — значит, еще и Копенгаген...»

Время скакнуло на час назад. Было еще утро. В Копенгагене тоже шел дождь, и на деревянных дверях аэровокзала висели зонтики, чтобы пассажиры могли добраться до самолета. По длинному деревянному коридору ездил на самокатах датские стюардессы. Радио говорило на незнакомом языке.

Обедали мы над Бельгией. Появилось солнце...

— Через 20 минут мы приземлимся на аэродроме Ле Бурже, — сказала стюардесса, — температура воздуха в Париже плюс 18 градусов.

Время скакнуло еще на час назад.

Париж. Монмартр.

и все еще было утро...

«С этого аэродрома самолеты на Лондон не ходят. Вам придется ехать на другой конец Парижа, на аэродром Орли».

Через минуту:

«Утренний самолет на Лондон уже ушел. Вам придется задержаться в Париже на 8 часов».

Мы (робко):

— А в город выйти можно?

— Французские визы у вас есть?

— Нет.

— Обратитесь в полицию.

Полиция:

— Можете оставить вещи в камере хранения на площади Инвалидов, если за вас заплатят, и идти в город.

Все было улажено.

Мы вышли на набережную Сены.

— Сбор здесь же ровно в 5 вечера. Время парижское. Переведите часы...

И мы пошли в город.

Без виз, без денег, без магазинных работ, без возможности куда-нибудь пойти, остановиться. Прогулка свободная, как дыхание. Только идти. Куда глаза глядят. Смотреть, вспоминать, улыбаться, говорить, слышать. Идти... По Парижу!

Просто удивительно, как много мы знаем об этом городе. Каждое название, каждый поворот пейзажа вызывает ощущение знакомого, иногда ясно, иногда смутно. Мы шли без гидов, без провожатых, но каждого из нас кто-то вел. Стрельчика, естественно, вела тень Наполеона, и он пошел через мост Александра Третьего к могиле императора. Лаврова повел Анатолий Франс по набережной своего имени вдоль книжных развалов. Большую группу повел Гюго к собору Парижской богородицы через сад Тюильри, мимо Лувра. Привычные парижане — Товстоногов и Смоктуновский — поехали в гости. Гаричев застыл на Сене с альбомом и карандашом и растворился среди десятка других художников, которые уже века пишат парижский пейзаж и уже давно сами стали неотъемлемой частью этого пейзажа. Нас с Зиной

Шарко вел по Парижу Хемингуэй. Мы пошли по бульвару Сен-Жермен в сторону Латинского квартала...

Так приятно попросить прикурить по-французски и убедиться, что тебя понимают. Так хочется сесть за один из столиков бесчисленных кафе, полупустых в начале нашей прогулки, но постепенно заполняющихся и переполняющихся. Столики стоят прямо на тротуаре. Французы сидят почти все лицом к улице, смотрят на идущих мимо, на нас, машут руками знакомым, пьют кофе, лимонад, смотрят на девушек, одетых в сильно вздернутые над коленями юбки, — мода этой весны, осмеивают преувеличения моды. Картины в витринах, маленькие галереи, книги, антиквариаты — прохладные комнаты, заваленные ветхой роскошью, в глубине которых маячат ветхие приветливые старушки; каштаны, витрины, множество разных машин, множество разных костюмов, окна с жалюзи и ставнями, букинисты, черные торговцы орехами из Сахары, студенты, рекламирующие свой воскресный бал, и кафе, кафе, кафе, теперь уже окончательно переполненные.

У меня еще нет сил смотреть своими глазами. Я вижу все глазами Хемингуэя. Оживают «Фиеста» и «Праздник, который всегда с тобой», и я взираю, когда вижу в глубине кафе человека с бородой, хотя тут же вспоминаю, что в те далекие годы Хемингуэй еще не носил бороды...

Это был лучший день в Париже! Мы возвращались. Потом Париж мелькнул своими странно знакомыми очертаниями за окном автобуса, потом он провалился вниз, под иллюминаторами «Каравеллы» и плавно растворился в вечернем тумане, который наполнил за Ла-Манша.

В САМОЛЕТЕ зажегся свет. Сзади негромко буйнули подвыпившие американцы. Наш сосед — английский инженер — интересовался нашими гастролями. Стюардессы предлагали сигареты и напитки, цена которых поднимется вдвое, как только мы приземлимся. Мы летели обычным европейским рейсом. Время полета — 45 минут, высота 6.000 м. Порт назначения — Лондон...

Он появился сразу весь, из тумана, и уже ничего не было под нами, кроме него. Огни Лондона уходили во все стороны, в бесконечность. Огни были желтые и белые, мерцающие и неподвижные, и движущиеся. И казалось, нет в этой плотной массе места, чтобы втиснуться нашему самолету. Место нашлось — среди огней самого большого в мире Лондонского аэропорта.

Было 10 часов вечера, и снова шел дождь.

Мы очень устали, и новые впечатления уже не емсались, а они все лезли и лезли. Мы получили изрядно помятые после всех погрузок и выгрузок наши чемоданы, уселись в двухэтажный английский автобус и поплыли, непривычно высоко, под самыми желтыми противотуманными фонарями со скоростью около 100 километров в час.

Мы долго кружили под дождем по пустому городу. Кружилась голова от непривычного левостороннего движения, казалось, что шофер сошел с ума и едет поперек движения, что сейчас мы столкнемся с этим автобусом, или с тем фургоном, или раздавим эту легковую машину. Поворот, поворот. Узкая улица с односторонним движением, вдруг сад, шумящий под дождем.

— Это что?

— Гайд-парк.

Темно. Плохо видно. Только запах мокрой зелени.

Ворота. «Прайвет-стрит» — «Частная улица». У входа на нее швейцар в цилиндре. Не может быть? Почему в цилиндре? Наверное, у меня просто переутомление. Нет, вот он подходит к шоферу. Действительно в цилиндре.

— Куда вы едете?

— Посольство СССР.

— Проезжайте.

...И вот опять мы мчимся по улицам с сумасшедшим левосторонним движением. Запоминается Оксфорд-стрит со сплошным строем магазинов, знаменитая Тоттенхем-Корт-Роуд, связанная с Шоу, Беккер-стрит, где жил Шерлок Холмс, и машины вдоль всех улиц, по обеим сторонам. Мелькнул район ночных развлечений — Сохо, и снова пустые улицы с неподвижной толпой автомобилей и дождь...

Ночь. Еле волоча ноги и чемоданы, мы размещаемся в Рассел-отеле.

...Сейчас спать, спать! Под стук дождя... Кончился самый длинный день в моей жизни.

СЛУЧИЛАСЬ авария. Что-то жжикнуло у нас под ногами. Автобус начал тормозить. Мы обернулись и увидели, что по дороге бочком ковыляет легковая машина, которой наш автобус смял в гармошку нос. Мы дружно вскрикнули.

«Что случилось?» — спросил наш водитель через переводчика. — «Кому-нибудь плохо?»

Он вышел из автобуса и направился к машине, которая, жалобно накрываясь, застыла у обочины. Из машины вылез высокий человек и закурив трубку. За ним вылезла со-

бака и села рядом с его ногами, глядя на смятый радиатор. За собакой вылезла женщина. Наш шофер подошел к человеку с трубкой. Водители кивнули друг другу, о чем-то поговорили, записали адреса, пожали друг другу руки на прощанье. Винового выяснит страховая компания.

Вернулся наш шофер, и мы тронулись. Обернувшись, мы увидели, что машина, ковыляя, тронулась, а сквозь заднее стекло на нас смотрит собака (английская семья без собаки, хотя бы одной, — редкое исключение). Таково было для нас первое проявление английского характера...

...Мы ехали в Стрелфорд на Эйвоне. Было утро. Была Англия. Не похожая ни на что. Очень зеленая до горизонта и очень розовая вблизи кустами рододендрона, с очень коричневыми деревянными домами, перекрестными наискосок черными или белыми балками. Здесь все настолько прочное, вековое, что города кажутся старшие лесов, а дороги старшие камней. Слева, на горе, вдалеке возник сказочный торт. Виндзорского замка, справа протянулся всеми своими шпилями к небу Оксфорд.

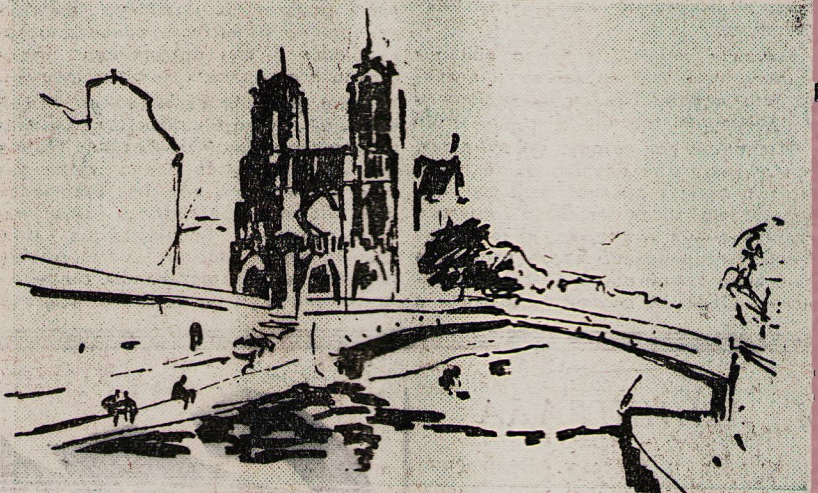
Было это или не было? Было. Было утро 7 мая, и мы ехали в Стрелфорд, на родину Шекспира. Был прокопченный скрипучий дом в два эта-

доме сестры Шекспира. Было много разговоров, блюд и вина.

Чего не было, так это речей. Стол непривычное обстоятельство изумляло нас больше всего и создавало ощущение, что не все в порядке. Во время чая я не выдержал и произнес короткую благодарственную речь, обращенную в воздух, потому что никак не мог понять, кто же здесь хозяин, ибо хозяева вместе с официантами разносили кофе и всячески нас обслуживали. Речь моя была принята мило, но не без некоторого недоумения. «Зачем, мол, и так все понятно». Нам после речи полегчало; но в глубине души и мы подумали: «А действительно, зачем?»

Было теплое прощание. Потом снова была дорога, а потом был город Ковентри, полный заводов, складов, новых некрасивых домов, дыма. И вдруг... возник собор...

ГОРОД был варварски разрушен немецкой бомбардировкой во время второй мировой войны. Собор — творение послевоенное. Он построен на месте старого, сожженного, разбомбленного, рядом с его руинами. Собор — творение послевоенное не только по времени его постройки, но и по самому духу. Он современен своим трагически-конкретным содержанием, он современен своими непривычными, неуспокоенными форма-

Париж. Собор Парижской богородицы.

жа, и старая строгая дама говорила: «В этой колыбели качался маленький Вильям Шекспир», и когда кто-то из посетителей (не из нас, упаси бог!) робко спросил: «А действительно ли существовал Шекспир? Ведь этот вопрос некоторые ставят под сомнение», — дама сдвинула брови и сказала: «Вопрос нелеп! Ведь кто-то, гениальный, написал все эти пьесы и сонеты, так вот их автор, кто бы он ни был, малюткой качался в этой самой колыбели и звали его Вильям Шекспир».

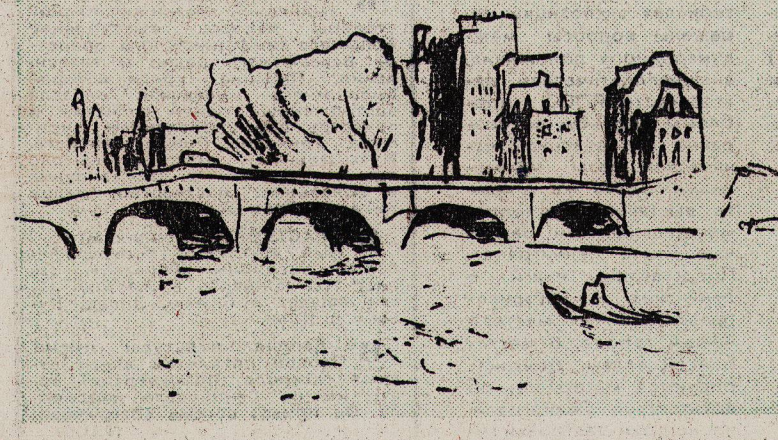
Был Шекспировский театр, построенный на месте сгоревшего. В этот день утром шла первая часть «Генриха IV», вечером — «Гамлет», а между спектаклями мы повидались с актерами, в большинстве очень молодыми. Мы искали знакомых, ведь Стрелфордский театр гастроллировал у нас в Ленинграде. Но в Англии труппы непостоянны. Состав давно сменился, следы бывших актеров затерялись. Вечным осталось название театра и его репертуар — Шекспир. Впрочем, и он начинает меняться, о чем расскажу позднее.

Был обед (ленч) в старой таверне, бывший английским театральным обществом. Потом был чай (файф о'клок), данный тем же обществом в

ми. Его создавали лучшие архитекторы Англии, лучшие скульпторы Америки, немецкие мастера витражей и французские мастера гобеленов. Он волнует своими стенами, сложными из теплого розоватого камня, своими сводами на легких опорах, сужающихся книзу до нескольких сантиметров. Он волнует своим гигантским витражом, где белым по белому стеклу изображен страшный суд, сквозь который видны реальные развалины старого собора, и страшный суд бога приобретает смысл реального людского суда над убийцами. Волнует распятие — скульптура, где осталась только крест и гвозди в нем, и терновый венец, похожий на скелет, а тело христово исчезло — воспарило или разлосилось, как тела всех смертных. И снова вспоминается война и вспоминается Бухенвальд, где мы были несколько месяцев назад. Волнует главная идея собора — идея единения людей в борьбе за мир. Среди тишины прекрасного мы не думали о боге, мы думали о человеческом гении, о великом искусстве, родившемся из великого страдания народов.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ)

Рисунки А. Гаричева, заставка Е. Спиридонова

Париж. Сена.